

СОДЕРЖАНИЕ

Хэлфорд Маккиндер

«ХАРТЛЕНД» И БИТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Введение	7
Расширение мирового пространства	10
Хартленд	13
«Россия-хартленд»	20
Морские державы и хартленд	29

Збигнев Бжезинский

АТЛАНТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА

Предисловие	32
Доктрина глобальной гегемонии	36
Массовая культура и демократия	67
Американская гегемония и глобальная безопасность	80
Расширение НАТО и Россия	91
Атлантическая повестка	99

Збигнев Бжезинский

АССИМИЛЯЦИЯ РОССИИ

«Черная дыра»	120
Ассимиляция России	165
Путин в пантеоне истории	171
Россия после Путина	196

Россия станет настоящей демократией	199
О концепции «Великой русской цивилизации»	201
Украина окажет влияние на прогресс в России	214
Украина как старший брат России	215
Пример Украины повлияет на Россию	217
Три альтернативы для Путина по Украине	219
Путин пытается запугать Запад атомной войной	221

Хэлфорд Маккиндер

«ХАРТЛЕНД» И БИТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

(из работ «Демократические идеалы и реальность», «Географическая ось истории», «Обретение мира». Перевод М. Тимофеева, С. Баринова, В. Куршакова, И. Окунева, В. Цымбурского)

ВВЕДЕНИЕ

Мое самое раннее воспоминание о политических делах восходит к сентябрьскому дню 1870 г., когда я — маленький мальчишка, только что пошедший в местную грамматическую школу, — принес домой новость, которую узнал из телеграммы, прибитой на двери почтового отделения: о том, что Наполеон III и вся его армия сдались пруссакам под Седаном. Это стало потрясением для англичан, психологически еще не расставшихся с эпохой Трафальгара и [наполеоновского] отступления из Москвы, но по-настоящему значение совершившегося было осознано лишь спустя годы. Ведь еще никто не оспаривал господства Британии над океаном, и единственную опасность для своей заморской империи она видела в это время в азиатском курсе России. В этот период английские газеты были скоры на раскрытие свидетельств русской интриги в каждом слухе из Константинополя и в каждой племенной заварушке на протяжении северо-западной индийской границы. Британская морская мощь и российская сухопутная мощь твердо владели центром международно-политической сцены.

Тридцать лет спустя, на грани веков, фон Тирпиц приступил к строительству океанского флота Германии. В то время я занимался организацией преподавания политической и исторической географии в Оксфордском и Лондонском университетах и за текущими событиями следил обобщающим взглядом преподавателя.

Германская динамика означала, — для меня это было очевидно, — что нация, уже располагавшая величайшей организованной сухопутной мощью и занимавшая центральную стратегическую позицию в Европе, стремилась дополнительно обеспечить себе еще и морскую мощь, достаточную, чтобы нейтрализовать мощь Великобритании. Соединенные Штаты также неуклонно вырастали в великую державу. Но пока их возрастание можно было замерить лишь по статистическим таблицам; хотя кое-кто в пору моего детства уже пребывал под сильным впечатлением от американской изобретательности: например, я вспоминаю висевшую в нашей классной комнате картинку с битвой между «Мэрримаком» и «Монитором» — между первым броненосцем и первым кораблем с башенной артиллерией. Так Германия и Соединенные Штаты поднимались бок о бок с Британией и Россией.

Событиями, из которых непосредственно произростала идея хартленда, стали английская война в Южной Африке и российская война в Маньчжурии. Южноафриканская война закончилась в 1902 г. А к весне 1904 г. Русско-японская война уже виделась неминуемой. Таким образом, доклад, который я прочитал в начале этого года в Королевском Географическом обществе, под названием «Географическая ось истории», был вполне на злобу дня, — но за ним стояли долгие годы наблюдений и раздумий.

Контраст между английской войной против буров, развернувшейся за океаном в 6000 миль (от метропо-

лии), и войной, которую предприняла Россия на сходном расстоянии (от своей метрополии) за сухопутными протяженностями Азии, естественно вызвал в памяти историческую параллель — подобный же контраст между Васко да Гама, огибающим по конец XV века мыс Доброй Надежды на пути в Индию, и рейдом казака Ермака во главе его конников за Уральский хребет в Сибирь в начале XVI века. В свою очередь, это второе сопоставление вело к обзору длинного ряда набегов, вершившихся в классической древности и в Средневековье пастушескими племенами Центральной Азии против оседлых обитателей «полумесяца субконтинентов» — против европейского полуострова, против Среднего Востока, против Индии и против того же Китая. Мое заключение было таково: «...в нынешнее десятилетие мы впервые в состоянии провести, с достаточной законченностью, корреляцию между крупнейшими географическими и крупнейшими историческими обобщениями. Впервые мы можем воспринять хоть в какой-то мере реальные пропорции явлений и событий на всемирной сцене и в состоянии подыскать формулу, которая выразила бы пусть лишь определенные аспекты географической обусловленности во всеобщей истории. И если нам повезет, эта формула могла бы иметь практическую ценность, поместив в (должную) перспективу некоторые из соревнующихся сил текущей международной политики».

Слово «хартленд» [«средоточие»] впервые появилось в этой работе 1904 г., но лишь мимоходом и на правах описательного выражения, а не в качестве термина. Вместо него там использовались обороты «осевое пространство» и «осевое государство». Например: «Опрокидывание силового баланса в пользу осевого государства, ведущее к экспансии последнего в окраинные земли Евро-Азии, позволило бы использовать обширные континентальные ресур-

сы для строительства флота — и затем глазам нашим могла бы предстать мировая империя. Так могло бы случиться, если бы Германия в качестве союзницы присоединилась к России. Было бы полезным особо подчеркнуть, что замена российского контроля над внутренним пространством континента на какой-либо новый контроль не вела бы к уменьшению географической значимости осевого местоположения. Если бы, к примеру, китайцы, организованные японцами, вознамерились бы низвергнуть Российскую империю и завоевать ее территорию, они могли бы представить “желтую опасность” для мировой свободы именно тем, что присоединили бы выход на океан к ресурсам великого континента».

Под конец Первой мировой войны в Лондоне и Нью-Йорке вышла моя книга «Демократические идеалы и реальность». Очевидным образом ярлык «осевого» [пространства или государства], достаточно уместный для академического тезиса начала века, более не отвечал международной обстановке, которая возникла из этого первого великого кризиса (по ходу) нашей мировой революции; отсюда — «идеалы», «реалии» и «хартленд». Но то, что тезис 1904 г. (хотя мне и пришлось принять в соображение и привнести дополнительные критерии) все-таки составил удовлетворительную основу для оценки расклада, создавшегося 15 лет спустя, — этот факт внушал уверенность: искомая формула найдена.

РАСШИРЕНИЕ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА

На тысячу лет католические христиане были как будто бы заключены в тюрьму на Латинском полуострове и его придатке — Британском острове. На 15 сотен миль (по пря-

мой) северо-восточнее простирается океаническое побережье от Священного Мыса древних до узкого пролива Копенгагена, и на 15 сотен миль восточнее (тоже по прямой) находится извилистое побережье Средиземного моря от Священного Мыса до Константинополя. Меньший полуостров продолжает основной от каждого пролива, Скандинавия с одной стороны и Малая Азия — с другой; а позади образованных таким образом участков суши сформировались две бухты — Балтийское и Черное моря.

Непроторенный океан лежал на западе, и другой, холодный, океан — на севере. На северо-востоке находились бесконечные сосновые леса и реки, текущие или к забитым льдами устьям в Арктическое море, или к внутренним водам, подобно Каспийскому морю, обособленным от океана. Только на юго-востоке находились пригодные оазисные тропы, ведущие во внешний мир, но они были в большей или меньшей степени закрыты с VII до XIX столетия арабами и турками.

После безрезультатных попыток норвежцев проложить путь через северные льды Гренландии португальцы предприняли попытку найти морской путь к Индиям вокруг берегов Африки. Они были подвигнуты на это рискованное предприятие принцем Энрике Мореплавателем, наполовину англичанином и наполовину португальцем. На первый взгляд кажется странным, что лоцманы, подобные Колумбу, которые потратили свои жизни на каботажные плавания, часто ходя от Венеции к Британии, должны были столь долго откладывать исследование южного направления от точки, где они вышли к проливу Гибралтар. Еще более странным кажется, что когда наконец они поставили перед собой задачу открыть очертания Африки, это отняло два поколения почти ежегодных плаваний, прежде чем да Гама открыл дорогу в Индийский океан.

Относительно транзита в Индию мир был огромным мысом, расположенным к югу от промежутка между Британией и Японией. Этот Мировой мыс был окружен морской силой, подобно мысам Греции и Латиума прежде: все берега были открыты для торговых кораблей или для атак с моря. Моряки, естественно, выбрали для местных торговых и военных баз небольшие острова вне континентального побережья, такие как Момбаса, Бомбей, Сингапур, Гонконг, или небольшие полуострова, как Мыс Доброй Надежды и Аден, поскольку эти позиции давали убежище их кораблям и охрану складам. Став смелее и сильнее, они основали торговые города, такие как Калькутта и Шанхай, около входа крупных речных путей в плодородные и густонаселенные торговые земли. Таким образом, европейские моряки благодаря своей большей мобильности имели превосходство на четыре столетия над жителями Африки и Азии.

Мировой остров расположен на плече земли с разворотом к Северному полюсу. Проводя замеры от полюса к полюсу по центральному меридиану Азии, мы сначала имеем тысячу миль покрытого льдом моря вплоть до северного берега Сибири, потом пять тысяч миль земли до южной точки Индии и далее семь тысяч миль до антарктической шапки, также покрытой льдом земли. Но если мерить вдоль меридиана Бенгальского залива или Аравийского моря, Азия простирается всего на три с половиной тысячи миль. От Парижа до Владивостока шесть тысяч миль, и от Парижа до мыса Доброй Надежды такое же расстояние; но эти измерения проводятся на шаре с длиной окружности в двадцать шесть тысяч миль. Если бы не помехи для кругосветной навигации, практикующие моряки уже давно бы говорили о Великом Острове, используя подобное назва-

ние, поскольку он составляет по размеру всего лишь чуть больше одной пятой от размеров их океана.

Внешне, без сомнения, есть существенное сходство симметрии Старого и Нового Света: каждый состоит из двух полуостровов, Африки и Евразии в одном случае и Северной и Южной Америк в другом. Но нет никакого реального сходства между ними. Северное и северо-восточное побережья Африки примерно на четыре тысячи миль так тесно связаны с противоположными берегами Европы и Азии, что Сахара составляет куда более эффективный разрыв в социальной коммуникации, чем Средиземноморье.

Три так называемых новых континента в точке пространства являются только сателлитами старых континентов. Есть один океан, покрывающий девять двенадцатых земной поверхности; есть один континент — Мировой Остров, — покрывающий две двенадцатых; и есть множество более мелких островов, из которых Северная и Южная Америки являются, для практических целей, двумя вместе покрывающими оставшуюся одну двенадцатую. Термин «Новый Свет» включает в себе, как мы можем видеть сейчас, исходя из реалий, а не из исторических обстоятельств, неверную перспективу.

ХАРТЛЕНД

Итак, четыреста лет тому назад мировосприятие человечества изменилось всего за какое-то десятилетие благодаря открытиям мореплавателей-первопроходцев Х. Колумба, Васко да Гамы и Ф. Магеллана. Сама идея единства Мирового океана, прежде только предполагавшаяся из-за схожести вод Атлантического и Индийского океанов, теперь стала частью общедоступного знания. Подобный пе-

релом происходит и в наше время в быстром воплощении в жизнь идеи единства Суши благодаря развитию современных средств сообщения по земле и по воздуху. Жители Моря слишком медленно осознают происходящие сейчас изменения.

Давайте начнем с того, что обобщим наши знания, ведь только так мы сможем основательно понять подлинную сущность континентальной стратегической мысли. Когда вы размышляете о глобальных вещах, вам следует мыслить общими категориями; так, например, командир полка мыслит категориями рот, генерал дивизии — категориями бригад. Для того чтобы начать составлять наши собственные «бригады», нам нужно углубиться в географические подробности.

Северная окраинная часть Азии — это недоступная с моря область, огражденная льдами, если не считать узкого прохода, который появляется здесь между берегом и морем в результате таяния местных льдов и простирается вдоль всего побережья в течение короткого летнего периода.

Получается, что три величайшие реки мира — Обь, Енисей и Лена — несут свои воды на север через всю Сибирь, но являются фактически оторванными от морской и речной навигации. Южная Сибирь — это огромная территория, покрытая множеством соленых озер, но не имеющая выхода в открытый океан. Реки Волга и Урал впадают в бессточное Каспийское море, а Сырдарья и Амударья впадают в бессточное Аральское море. Географы часто называют эти внутренние бассейны «континентальными». Регионы речного стока Арктической и Южно-Сибирской части Евразии дают вместе около половины всего стока Азии и четверть стока Европы и формируют пространства огромной протяженности в срединной и северной частях Ев-

разийского континента. Эта территория, простирающаяся от покрытого льдами плоского сибирского побережья до знойных обрывистых берегов Белуджистана и Персии, практически недоступна с моря. Освоение территории, где прежде не было никаких дорог, путем развития железнодорожного и авиационного сообщения коренным образом меняет отношение людей к большим географическим пространствам. Назовем эту огромную территорию — Хартленд, или Сердцевинная Земля.

Северная, центральная и западная части Хартленда — равнинные территории, которые возвышаются всего на несколько сотен футов над уровнем моря. Эти крупнейшие в мире по площади низменные территории включают Западную Сибирь, Туркестан, Европейский бассейн реки Волги до Уральских гор, которые, несмотря на свою протяженность, не достигают существенной высоты и заканчиваются в трехстах милях к северу от Каспийского моря, представляя собой широкие ворота из Сибири в Европу. Назовем эту необозримую равнину — Великая Низменность.

Хартленд, Аравия и Сахара вместе образуют широкий изогнутый пояс, доступный с моря только вышеупомянутыми тремя аравийскими морскими путями. Этот пояс простирается через целый континент — с Арктики до Атлантического побережья. В Аравии он достигает Индийского океана и, как следствие, делит оставшуюся часть Суши на три отдельные области, где реки впадают в незамерзающий океан. Этими областями являются побережье Тихого и Индийского океанов в Азии; полуострова и острова в Европе и в Средиземноморье и огромная выступающая часть Африки к югу от Сахары. Мы можем рассматривать внутреннюю часть Африки как второй Хартленд. Назовем его Южный Хартленд, в противоположность Северному Хартленду — Евразии.

Несмотря на разницу широт, у этих двух Хартлендов существуют поразительные сходства. Огромный лесной пояс по большей части вечнозеленых сосново-еловых лесов простирается от Северной Германии и Балтийского побережья до Маньчжурии, связывая леса Европы и леса на Тихоокеанском побережье в единый пояс. К югу от этой лесной зоны Хартленд остается как бы открытым, деревья здесь растут только по берегам рек или высоко в горах. Эта обширная открытая территория представляет собой роскошные степи, протянувшиеся вдоль южной границы лесов, изобилующие полевыми цветами в весеннее время, а к югу, где повышается аридность этих земель, травяной покров становится грубее и скуднее. Все пастбищные земли, богатые или бедные, называются степями, несмотря на то что это название относится только к наименее плодородным южным участкам земли, окружающим пустынные земли Туркестана и Монголии. Степи, видимо, были естественной средой обитания лошадей, а в южной части — двугорбого верблюда.

За пределами Аравии, Сахары и двух Хартлендов остается только два сравнительно малых региона на Мировом Острове, но эти регионы являются, пожалуй, самыми важными на всей планете. Вокруг Средиземного моря, на полуостровах и островах Европы, проживает около 400 миллионов человек, а на южном и восточном побережьях Азии, известных как Ост-Индия, живет около 800 миллионов человек. Таким образом, в двух этих регионах проживает порядка трех четвертей мирового населения. С нашей современной точки зрения наибольшее значение имеет тот факт, что четыре пятых населения Великого Континента, Мирового Острова, проживает в двух регионах, которые, вместе взятые, образуют всего лишь пятую часть его площади.

Оба Побережья богаты землями, пригодными для ведения сельского хозяйства и благодаря этому способными прокормить большое количество людей.

* * *

Европа и Ост-Индия — это территории земледельцев и мореплавателей, несмотря на то что территории Северного Хартленда, Аравии и Южного Хартленда по большей части все еще остаются нераспаханными и недоступными для судов, бороздящих открытое море. С другой стороны, они естественным путем подготовлены для перемещения наездников на лошадях и верблюдах, с их стадами крупного скота и отарами овец. Даже в саваннах тропической Африки, где отсутствуют лошади и верблюды, благосостояние местного населения также во многом зависит от крупного скота и овец. Конечно, это широкие обобщения со множеством частных исключений; но они, как бы то ни было, соответствуют действительности и довольно хорошо подходят для описания столь огромных географических пространств.

Степи начинаются в центре Европы там, где Венгерская равнина полностью окружена кольцом гор, покрытых лесами, Восточными Альпами и Карпатами. В настоящее время пшеничные и кукурузные поля по большей части вытеснили росшие здесь некогда дикие травы, но сто лет назад, до того как железные дороги сблизили рынки сбыта, к востоку от Дуная была ровная, подобно морской глади, степь, а благосостояние венгров во многом зависело от лошадей и крупного рогатого скота.

Далее Тавр и Динарские Альпы представляют собой обрывистые фасады Средиземного и Адриатического морей соответственно, между тем направляя свои длинные реки в Черное море. Если бы не Эгейское море, разрывающее

нагорья, выходящие к Черному морю, и если бы не Дарданеллы, чье течение направлено на юг с водами всех черноморских рек, эти высокие внешние фасады Тавра и Динарских Альп были бы единым извилистым хребтом, краем продолжительного препятствия, отделяющего внутреннее Черное море от внешних — Средиземного и Адриатического. Если бы не Дарданеллы, тот край мог оформить границу Хартленда и Черного моря, и все его реки были бы отнесены к «континентальной» системе стока.

Еще далее, за пределами лесистых Карпатских гор начинаются степи основного пояса, простирающиеся далеко на восток, они доходят до Черного моря на юге и до границы лесов России на севере. Границы лесного пояса, пересекающего Русскую равнину, довольно извилистые, но в целом они проходят с севера Карпат на пятидесятой параллели до подножья Уральского хребта на пятьдесят шестой параллели. Москва находится внутри лесного пояса неподалеку от его границы, где расположены обширные расчищенные участки леса, на которых проживало абсолютное большинство населения России до недавней колонизации степей, находящихся к югу.

Леса, покрывающие края Уральских гор, образуют своеобразный выступ на юг, врезаюсь в открытые степи. Однако степи продолжают через проход на равнине, ведущий из Европы в Азию между Уральским хребтом и северной оконечностью Каспийского моря. За этим проходом зона степей разрастается снова, но уже достигая ширины, превосходящей ту, которую она занимала в Европейской части. К северу от степей снова идут леса, но к югу теперь лежат пустыни и полупустыни Туркестана. Транссибирская магистраль проходит по степной зоне, начиная от Челябинска, станции на восточном склоне Уральских гор, где сходятся железнодорожные ветки из Петрограда и Мо-

сквы, и заканчивая Иркутском на реке Ангаре, чуть ниже места ее вытекания из озера Байкал. В значительной степени пшеничные поля начинают замещать степи вдоль всей железнодорожной ветки, однако сеть постоянных населенных пунктов все же очень мала, а татарские и киргизские кочевники все еще постоянно мигрируют на обширной территории.

Край лесной зоны изгибается к югу и проходит вдоль границы между Западной и Восточной Сибирью, а в Восточной Сибири она представляет собой покрытые лесом горы и холмы, постепенно понижающиеся в направлении от Трансбайкальского плато к северо-восточной оконечности Азии и Берингову проливу. Степная зона изгибается к югу вместе с лесной зоной и простирается на восток через нижнюю часть Монгольского нагорья. Она поднимается в высоту в направлении от Великой низменности до Монголии и заканчивается «Сухим проливом» Джунгарии, между горами Тянь-Шаня на юге и Алтайскими горами на севере.

За пределами Джунгарии степи продолжают уже в гористой местности между южной частью лесистых Алтайских и Забайкальских гор и пустыней Гоби к югу от них, достигая верхних притоков Амура. Вдоль восточных склонов Хинганского хребта, где Монгольское нагорье переходит в Маньчжурскую низменность, снова протянулись леса, но за ними расположились последние обособленные степи в Маньчжурии, которые можно сравнить с обособленными степями Венгрии, находящимися в пяти тысячах миль отсюда — на западном краю степной зоны. Однако степная Маньчжурия не выходит к Тихоокеанскому побережью, здесь прибрежные горные хребты, покрытые густым лесом, занимают все открытые пространства, достигая устья Амура на севере.